

A man with a beard and short hair, wearing a white t-shirt, stands with his arms crossed. The background is a composite image featuring a stylized American flag (stars and stripes) in the upper left and a city skyline (likely New York City) in the lower right. A vertical red bar runs along the right edge of the image.

АЛАЙНА САЛАХ

Американ
БОСС

Алайна Салах
Американ Босс
Серия «Гасославия»

doc предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67571355
Алайна Салах Американ Босс:

Аннотация

Когда являешься обладателем квартиры в центре Москвы, пользуешься бешеной популярностью у противоположного пола, занимаешь директорское кресло в преуспевающей фирме и имеешь двойное гражданство – жизнь прекрасна. По крайней мере так было до тех пор, пока я не согласился взять сводную родственницу на стажировку. Это стало самым глупым решением в моей жизни.

Книга содержит нецензурную брань

Содержание

1	5
2	8
3	13
4	20
5	26
6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Алайна Салах

Американ Босс

Ограничение 18+, брань

Теги: босс и подчиненная, сводные родственники, юмор

Жанр: современный любовный роман, романтическая
эротика, комедия

* * *

Тяжелое тело «Боинга-767» мягко шмякается о взлётную полосу, и по салону мгновенно разносится шквал аплодисментов. А ещё говорят, что русские не умеют радоваться. Двадцать с хером лет я летаю на свою вторую родину, и каждый раз в самолете хлопают и улюлюкают, словно старик Меркьюри ожил и в костюме стюардессы исполнил «Богемскую рапсодию».

– Мы русские, с нами Бог, – подмигиваю я своей престарелой соседке по бизнес-классу, которая во время посадки вцепилась своей костлявой витриной от Картье мне в руку и до сих пор не хочет отпускать. Она явно боится летать, потому что большую часть полёта молилась, уткнувшись в карманные псалмы. Я вообще и сам не в восторге от воздушных перемещений, со всеми этими осадками в виде падающих лайнеров, и даже обрадовался, что бабуля попалась набожной. Если ей и правда удастся разжалобить всемогущего чувака сверху, то его милостью и меня зацепит. Сидим-то мы рядом.

Бабуля медленно расцепляет пальцы и, убрав обесцвеченную прядь за ухо, начинает кокетливо мне улыбаться.

– Кстати, я Анята.

На Аняту она ну никак не похожа и даже на тётю Аню с натяжкой. При всех дорогостоящих косметологических ин-

вестициях кричащий полтинник с её лица не срезать. Но так как мама с детства привила мне исключительные манеры, которые подпитываются стаканом крови английских джентльменов по бабкиной линии, я посылаю бабе Анюте вежливую улыбку и скромно представляюсь:

– Максим.

По хищным вспышкам в её подтянутых глазницах вижу, что она собирается и дальше практиковать на мне чары Бабы-яги, но, к счастью, оживший в кармане джинсов мобильный вовремя меня отвлекает.

– Одну минуту, Анята, – я посылаю старухе извиняющуюся улыбку и, бросив взгляд на экран, провожу пальцем по широкой улыбке своего бати.

– Ты и твой прибор приземлились в сохранности, сын? – раздаётся насмешливая американская речь в трубке.

И пусть я давно не ребёнок, приятно, что батя продолжает беспокоиться обо мне. Он у меня мировой мужик.

– Мы оба в порядке, пап, – отвечаю ему в тон на английском. – Ещё пара минут, и будем топтать московскую землю.

– Ты у меня на заднем сиденье мешок с оптовой партией презервативов оставил. Решил забить на айтишные технологии и заняться контрабандой резины?

– Безопасность превыше всего, пап, – ухмыляюсь я, разглядывая носы своих номерных джорданов. Да, с гондонами лажа вышла. – Маме только не показывай.

– Ладно, – великодушно объявляет отец. – Набери, как

будешь дома. Всем привет передавай.

– И деду? – спрашиваю с усмешкой, зная об их многолетней мужской привязанности друг к другу. Их беседы за общим обеденным столом во время родительских визитов в Россию – лучшие рэп-батлы, что я видел.

– Деда обними так, чтобы у него позвоночник хрустнул, – незамедлительно отзывается отец.

– Конечно, пап. Скажи маме «хай» от меня и столицы.

Повесив трубку, возвращаю взгляд к престарелой кокетке, которая вжалась в кресло и теперь смотрит на меня с подозрением. Снова этот взгляд. Нет, бабуля, я не агент Госдепа, прилетевший с целью посеять хаос в рядах мировой державы. Просто двадцать три года назад одна коренная москвичка и не менее коренной житель Нью-Йорка пали жертвами неземной любви с первого взгляда, поженились, и на свет появился я, двухметровый красавчик, одинаково владеющий русским и английским наречием. Макс Леджер, верноподанный России и США, к вашим старушечьим услугам.

Небольшая ремарка: автор не считает прекрасный возраст 50 – старушечьим. Здесь речь идёт о тридцатилетней разнице в возрасте между ГГ и флиртующей соседкой.

– Ну вылитый папаша, – ворчит дед, вылезая с заднего сиденья своего «Гелендвагена». – Аж глаз дёргаться начинает. Ладно хоть ростом в меня пошёл.

Вообще-то баскетбольным ростом я тоже пошёл в отца, но вслух об этом не скажу, чтобы пощадить тщеславные седины Игоря Жданова. Характер у старика, конечно, сучий, но меня он обожает.

– Слава России, дед Игорь! – Я игнорирую протянутую руку и стискиваю его в родственных объятиях. – Никак в криокамере спишь. Двадцать лет знакомы, а ты всё как Нео замороженный.

Расцепив приветствие, мы по очереди ныряем в прохладный салон штутгартского автопрома, и дед делает царственный жест рукой, понукая извозчика трогать.

– В гости заедешь? – спрашивает дед, когда мы, покинув парковку Шереметьево, выезжаем на оживлённую трассу. – С бабкой твоей новой познакомлю.

Меньше полугода назад дед женился в третий раз, и его избранницей стала сорокалетняя молодуха. Седина в бороде, как говорится, но я за родственника рад. Здоровья в нём побольше, чем во многих моих нью-йоркских приятелях, так что пусть развлекается. Не удивлюсь, если ещё и папашей в ближайшее время станет.

– Не, дед. – Я подхватываю торчащий из подлокотника боржоми и, открутив крышку, делаю жадный глоток. Вещь. – Давай я завтра заеду. Сегодня дома хочу поваляться и телик повтыкать.

– Ещё скажи, что у тебя там цветы на подоконниках не политы, – фыркает тот. – Лет тебе сколько? Год на родине не был, а всё задницу поскорее на диван пристроить хочет. Москва – это тебе не Америка твоя вялая. Здесь жизнь бьёт ключом.

А вот и сучий характер вкупе с национализмом. Дед – ярый русофил и американофоб, и то, что его единственная дочь, то бишь моя мама, двадцать два года замужем за американцем, ничуть положения не спасает.

Разумеется, я не собираюсь валяться на диване и втыкать местное зомби-ТВ. Я по прилёте предусмотрительно селфи с геолокацией в инсту запулил, и теперь мой телефон разрывается от невинных девичьих «С приездом, Максим» до членодробительного «Помнишь, я обещала, что разрешу в задницу». Короче, планов на вечер – хоть отбавляй, а я до жути соскучился по московским красавицам. Всё-таки русские девчонки – это топчик. Если дома в Нью-Йорке нужно скрупулёзно подходить к выбору объекта для спаривания, то центровая Москва – это витрина элитной кондитерской, где можно тыкать пальцем в первое попавшееся пирожное и знать, что не прогадаешь. Такие экземпляры встречаются, что голливудские примадонны на их фоне ущербными кро-

кодилицами кажутся. В общем, мой Макс-Джуниор – сто-процентный русский патриот. И это ещё одно качество, которым я пошёл в отца.

– Завтра с цветами приеду челом бить, дед. Мне ещё на фирму нужно заскочить и веселых пендалей раздать, чтобы сотрудники не расслаблялись.

Это, собственно, одна из причин, почему каждое лето после учёбы я приезжаю в Москву. Прохожу своеобразную стажировку в рашн-филиале компьютерной фирмы отца. Ну, как стажировку. Вообще-то я и есть босс: кожаное кресло, крутой кабинет, ворох подчинённых и приёмная в комплекте с аппетитной секретаршей Алёной, которая третье лето подряд недвусмысленно намекает, что не прочь расширить сферу своих секретарских обязанностей и лихо подмахнуть мне на столе. И пусть сиськи у неё что надо, но я и мой Макс-младший – дуэт с принципами: ни к чему мешать работу с удовольствием. Отец должен мной гордиться.

– Правильно, – одобрительно кивает дед. – Не хер лентяям давать расслабляться. Хозяйский пендаль лишним не...

Он не успевает договорить, потому что гелик так резко тормозит посреди дороги, что мы едва не бьёмся носами в передние кресла, после чего тонированные стёкла моментально сотрясаются грозным гарканьем.

– Миша, мне нового водителя искать, что ли?! Ты ослеп никак? Не видишь, тут корова в сарафане в Пятёрочку за сосисками по акции торопится? Так спешит, что жопой своей

капот мне память готова. Светофор же не для неё красным по белому горит.

Дедовский шофер Михаил – дядька-кремень. У него на ор либо иммунитет выработался, либо он глухонемой. Я за два года так и не понял.

– Дело у меня к тебе есть, Максим, – уже более спокойно говорит дед, когда мы выруливаем на родную Спиридоновку. – У Любы моей дочь в МГУ гранит науки грызёт третий год. Ей практика на лето нужна. Взял бы сам... – тут он брезгливо кривит рот, словно унюхал что-то несвежее, – да баб у себя в офисе на дух не переносу. Пусть лучше с твоими мышами компьютерными постажируется.

Вообще-то я цыпочек на работе тоже не слишком жалую. С мужиками как-то проще, что ли. Алёну-то нанял в качестве красивой феньки на ресепшен, ну и чтобы не заподозрили в дискриминации по половому признаку. Хотя Раша этим особо не грешит. Это у нас в Америке нужно тщательно следить, чтобы чёрных, геев, инвалидов и женщин было поровну. Чуть не досчитаются – и полетят тебе на голову яйца общественного порицания.

Но деду я, конечно, отказать не могу. Он меня редко о чём-то просит. Вернее, не просит вообще.

– Пусть приходит в понедельник к восьми. Отстажирую, как следует.

– Я тебе, на хрен, отстажирую! – рывкает дед так громко, что у меня на пару секунд закладывает уши. – Пальцем не

смеёшь трогать её, плеёбой заграничный. Не посмотрю, что ты мой наследник – ноги твои долговязые вместе с кроссовками вырву. Она родственница твоя, понял? Тётя, можно сказать, младшая.

Терпеливо дожидаясь, пока дед перестанет орать, и, успокаивающе хлопнув его по плечу, поясняю:

– Я персонал не е... Не трогаю. Так что за честь моей так называемой тёти вы с новой бабулей можете точно не волноваться. Имя-то у родственницы есть?

– А сам как думаешь? – ворчливо откликается дед. – Ника её зовут. Ивлеева.

Ни-ка. Милое имечко.

3

– Доброе утро, Максим, – жеманное контральто Алёны рассекает воздух приёмной одновременно с подпрыгнувшими из-за стойки четвёрками. Которые теперь почему-то выглядят пятёрками. Апгрейд она, что ли, произвела? – Я так рада тебя видеть.

– Привет, Алён, – я целомудренно подмигиваю секретарше и вручаю дыюти-фришный пакет со склянкой парфюма. С нотками фрезии, бергамота и бла-бла-бла. Я, как летняя версия Санты, всегда приезжаю в Россию с мешком подарков. Правда, вместо оленей с санями у меня под задницей чёрный «Камаро». И не бомжацкая трёхлитровая версия для понторезов, а мужицкая шесть и два.

Алёна быстро ныряет носом с пакет и, выдохнув чересчур восхищённое «О-о-о», с размаху врежется в меня упругими телесами.

– Подарок просто супер, Макс, – с придыханием щекочет мне ухо. – Могу ли я тебя отблагодарить?

Её попытка номер сто пять стать услужливой дыркой для босса.

– Можешь, конечно. Сваргань кофейку, малыш. – Я с трудом отлепляю от себя крупнокалиберные присоски и одариваю стремительно вянущее лицо Алёны утешительной улыбкой. – Он у тебя на пять с плюсом выходит.

Макс-Джуниор от её аппетитной мясной близости даже не дёрнулся. Он вчера такую длительную аудиенцию с тремя представительницами гламурной московской тусовки провёл, что ещё дня три в отключке валяться будет. Да и толкательно-пихательные гастроли у него на две недели вперёд расписаны.

В течение получаса я обхожу свои офисные владения, беседуя с сотрудниками и походя одаривая их подарками от шефа. Это у деда халдеи под себя ходят, едва он на пороге появляется, а лично мне приятна атмосфера душевности. Хочу, чтобы мои подчинённые не для галочки вкалывали и не потому, что в случае невыполнения их, как провинившегося кота, в лужу мордой ткнут, а имели понимание, что мы сотрудничаем во имя единого дела. Вот такой я продвинутый шеф.

Возвращаюсь в свой кабинет и, с удовлетворением упав задом на железный трон, открываю крышку ноутбука. Быстро просматриваю отчёты за последнюю неделю, а в голову тем временем назойливой мухой пытается пробиться мысль, что я о чём-то забыл. Впрочем, телефонный звонок по внутренней линии моментально даёт подсказку.

– Максим, – говорит налитанный ревностью голос Алены. – Тут к тебе какая-то Ника пришла.

Точно! Я же, помимо подарков, ещё и благотворительностью занялся. Выступаю спонсором стажировки для сводной тётки Ни-ки.

– Пусть заходит, – по-деловому бросаю я в трубку, чтобы зарубить на корню неуместную секретарскую ревность. Если так и дальше пойдёт, нужно будет депортировать Алёну и её буфера на просторы ХедХантера. Все эти бразильские страсти в офисе мне на хер не нужны.

Безукоризненное мамино воспитание заставляет меня встать с кресла и пойти к двери, чтобы обеспечить родственницу царским приёмом. Если уж я беру на себя ответственность что-то сделать, то выполняю это с душой. Пусть тётя Ни-ка оценит, какой охеренный племянш ей достался.

Я дёргаю ручку, чтобы впустить посетительницу, и через секунду выясняю, что сделал это зря. Потому что она то же самое пытается проделать с той стороны и, как результат, падает передо мной ниц в коленно-локтевую. Мою любимую, кстати.

В поле зрения попадают юбка с шотландским принтом, задравшийся подол которой открывает стройные ноги, белая рубашка и тёмная копна волос. Ничего так тётя.

– Анастейша Стил? – не удерживаюсь я от киношного дежавю и под тихое бормотание помогаю тёте Ни-ке встать.

Родственница выпрямляется и несколько секунд глазеет мне в грудь, после чего задирает нос выше, и мы встречаемся глазами. Ух, бля-я-я. Вот это глазищи. Словно «Блю Кюра-сао» заморозили в лёд и раскололи. Ярко-голубые с серебряными прожилками. А ещё аккуратный нос с россыпью веснушек и крохотное колечко в нём.

– Здравствуйте, Максим... э-э-э...

Девчонка беспомощно хлопает глазами, явно пытаюсь сложить моё имя и отчество. Голос у неё милый и высокий, как у Пикачу.

Приходится дать себе смачного леща, чтобы перестать на неё тарашиться, но с самоконтролем у меня проблем никогда не было, поэтому уже через секунду я вновь бодр и невозмутим.

– Можно просто Максим, – одариваю её покровительственной улыбкой и немного отступаю.

Ну не Максим Гасович же меня называть. Это русско-американское сочетание – словно в воздух насрали, честное слово.

– Я Ника Ивлеева, – смущённо говорит тётя Ни-ка и опускает глаза.

Ой, да какая она мне, на хер, тётя. Тёти должны быть пухлыми, со следами химзавивки в волосах и яркой помадой. А этот ангелок с... м-м-м... третьим размером, тонкой талией, длинными ногами и взглядом оленёнка Бэмби – верный кандидат на многочасовое свидание с Максом-Джуниором. Конечно, чисто гипотетически. Потому что если один минус в виде служебной иерархии можно вычеркнуть после того, как закончится её стажировка, то орущий минус в лице разъярённого деда Игоря не сотрёшь, как ни старайся.

– Рад познакомиться, Ника. – Я галантно придвигаю для неё посетительский стул и, проследив как новоиспечённая

стажёрка робко на него опускается, иду к своему железному трону. – Расскажешь немного о себе?

Приняв деловую позу, я фокусируюсь глазами на Нике, пытаюсь удержать зрительный контакт, но взгляд, словно неудачник-скалолаз, соскальзывает с её лица вниз, жадно цепляясь за спасительные выпуклости, на которых аппетитно натянулась наглухо застёгнутая рубашка.

– Я учусь на третьем курсе МГУ, – журчит тоненькое соприкосновение, так контрастирующее с Алёниной томностью. – На факультете социологии.

Тю. У нас тут няша-социолог. Интересно.

Собравшись, я перемещаю взгляд Нике на лицо, от чего она вновь смущённо опускает ресницы и прикусывает нижнюю губу зубами.

Чёрт знает, в чём дело, но от этого невинного приёма Макс-Джуниор вдруг решает взять на себя функцию домкрат и пытается приподнять стол. Я быстро закидываю ногу на ногу, чтобы его придушить, и со всей серьёзностью уточняю:

– Опыт составления маркетинговых исследований есть?

В ответ следует кивок переливающейся копны волос и полный готовности взгляд.

– Есть. На втором курсе я делала тестовое исследование для крупной сотовой компании.

– Как с презентациями дела обстоят?

– Я владею навыками работы с графическими редакторами, если вы об этом.

«Вы»? Это что за бабуйня?

– Сколько тебе лет, Ника? – я слегка подаюсь вперёд.

Девчонка снова скидывает на меня свой блю кюрасао взгляд и быстро хлопает ресницами.

– Мне двадцать один.

Значит, по законам штата Нью-Йорк с голубоглазой Бэм-би официально можно делать всё что угодно.

– Я это к тому, что ты можешь обращаться ко мне на «ты», Ни-ка. На первое время предлагаю тебе попробовать-ся в аналитическом отделе. – Представляю, как занервничает эта робкая лань, когда я подсажу её в стан своих боевых покемонов, и поясняю: – Коллектив у нас мужской, но обижать тебя никто не станет.

Надо будет всех предупредить, чтобы дышать в её сторону не смели. Если великий полководец на диете, значит и вся конница поститься будет.

– Такое предложение тебя устраивает?

Лицо Ни-ки озаряется солнечной улыбкой, и мне становится неловко за то, что на короткие несколько секунд я представил, как поймел её между сисек.

– Я согласна на всё, что ты предлагаешь, Максим.

Оу-у. Следи за языком, девочка. С детства страдаю живо-стью воображения.

– Вот и отлично, – я улыбаюсь сквозь зубы и жму кнопку селектора. – Алёна, отведёшь Ни-ку в кабинет к Стасу. Об остальном я его сам проинструктирую.

Ни-ка поднимается, а я невежливо остаюсь сидеть. Самое ценное качество для руководителя – умение принимать молниеносные решения в критических условиях. В моём случае – это спрятать под столешницей дубовый стояк. Уж лучше прослыть невежей, чем извращенцем.

Алёна появляется на пороге с каменным выражением на лице и вдвое укоротившейся юбкой, из-под которой выглядывает пояс чулок. Эх, Алёна-Алёна. Меня порнуха с двенадцати лет не вставляет. А вот красивая эротика в виде слегка задравшегося килта Бэмби очень даже.

– Ещё раз спасибо, Максим, – мило кивает Ника и семенит своим стройными оленьими ножками за раскачивающимся бампером Алены.

– Пожалуйста, блядь, – ворчу я, когда дверь за ней захлопывается и, выудив из брюк мобильный, набираю Владу, своему московскому корешу по самым отвязным тусовкам. Кажется, Макс-Джуниор вышел из отпуска раньше, чем ожидалось, и мне срочно нужно его проветрить.

– Сижу я, короче, в «Чайхоне», кальяном пыхаю, – захлёбываясь энтузиазмом, рассказывает Влад, пока мы вылезаем из моего мускул-кара на парковке клуба «Lookin Rooms», – и вижу, лицо знакомое у тёлочки. Приглядываюсь, а это Лера из Избы-2, прикинь. Ну я ей за столик сразу бутылку шнапса послал, она мне в ответ заулыбалась, после чего я к ней, естественно, на лавку прыгнул, ну а дальше...

– Изба-2? – я удивлённо поднимаю брови. – Так она старуха, поди. Я ещё в памперсы гадил, когда они в телике бабки Иры у костра грелись.

– Так это шоу ещё долго не вымрет, потому что даёт пинок в красивую жизнь симпатичным мордашкам. Там засветиться – это ж как медаль на собачьей выставке получить. Участницу потом какой-нибудь упакованный носорог замуж возьмёт и будет своим приятелям по бизнесу хвастаться, что его карманная чихуахуа в прошлом телевизионная селебрити.

Каждый раз, как пообщаюсь с Владом, я понимаю, что ни черта не смыслю в московских понтах. Это прямо целая наука какая-то.

– Кстати, я думал, что ты раньше пятницы не объявишься, – говорит приятель, когда мы минуем зону мышцатого фейс-контроля и оказываемся в грохочущем от басов коридоре.

– Решил проветриться немного. И заодно расширить круг московских знакомств.

– Новое мясо всегда хорошо, – философски заключает Влад, логично угадывая, что я сюда не с мужиками о компьютерных программах пришёл болтать. – Зацени, справа по курсу. Блонди на тумбе задницей крутит, видишь? Это Анька – огонь-девчонка. Могу познакомить, если хочешь. Гуттаперчевая, как мармеладный червь из Харибо. Реально во все стороны гнётся.

Фу. Во-первых, танцовщица гоу-гоу – это клише из бюджетного порно. Во-вторых, её уже имел Влад, а собирать вторяки за другом – это моветон и дважды фу. А в-третьих, я докторскую степень по дисциплине «Пикап за три минуты» ещё в восемнадцать получил и помощь выпускника-бакалавра мне не требуется.

Сканирую кишашую телами барную стойку в ожидании сигнала от Макса-Джуниора, и тот, словно примагниченная стрелка компаса, меньше чем через минуту указывает мне верное направление. Туда, где на высоком табурете восседают песочные часы: изящная спина в коротеньком топе и узкая талия, переходящая в аппетитную джинсовую округлость. Вид слюнособирательный. И это девчонка ещё сидит. А если её поставить в мою любимую, то вид станет десятикратно соблазнительнее.

«Не если, а когда!» – требовательно рывкает Макс-Джуниор, недвусмысленно сигнализируя о том, что свои предпо-

чтения на сегодня он уже определил. Я с ним полностью согласен.

– Сам справлюсь, бро.

Я хлопаю Влада по плечу и, оставив его истекать слюной на извивающуюся Харибо, иду к барной стойке.

Вернее, это со стороны я просто иду, а на самом деле занимаюсь экспресс-аналитикой: девчонка сидит с подругой, никакого хмыря со взглядом боевого Хатико поблизости нет. Это плюс. Так, пьёт она что? Мохито? Секс на пляже? Оу. Шот текилы. Да у нас тут зажигалочка. Кольца на безымянном пальце руки, обёрнутой вокруг рюмки, тоже нет. Это замечательно. А то в прошлые свои каникулы я чуть не вляпался с одной мадам. В приступе рыцарского альтруизма до дома вызвался довезти, когда она возле ночного клуба голосовала. Дорогой ни единого сексуального намёка не сделал, потому что спать хотел сильно, а как собрался пассажиру высаживать, она вдруг головой под руль нырнула, да так шустро, что я и понять ничего не успел. Вцепилась мне в ширинку, как голодная пиранья, – не отодрать. К счастью, я ещё в трусах был, когда в стекло постучали, и перекошенная мужская рожа стала орать, что я его жену растлеваю. И даже втащить бедолаге рука не поднялась. У него и так горе: суженая – автомобильная шлюха. В общем, с тех пор я стал осмотрительнее.

До песочных часов остаётся всего пара шагов, когда девчонка рушит наши с Джуниором завоевательные планы: ли-

хо запрокидывает текилу в себя и, тряхнув длинным каштановым хвостом, спрыгивает со стула.

Несколько секунд мы с Максом-Джуниором глазеем вслед завлекательно раскачивающейся пятой точке, идущей на танцпол, после чего твёрдым шагом движемся на ней. Он твёрдым, а я – шагом. Даже хорошо, что она пошла танцевать. Заценю, как часики двигаются. Если дрыгаются как неповоротливое бревно, то коечной феерии не жди, и лучше сразу дать заднюю.

Я протискиваюсь вглубь парфюмированной массы, качающейся в такт музыке, но нужного объекта не нахожу. Ни справа, ни слева. И когда уже думаю, что он потерялся, натыкаюсь взглядом на загорелую поясницу.

Уф-ф. Младший даже немного вспотел. Потому что, согласно моей постельно-танцевальной теории, эта девчонка владеет мастерством гейши. Она так эротично вращает задом, идеально вписываясь в музыкальный ритм, что я секунд на тридцать зависаю на этом зрелище, не в силах пошевелиться. Может, позже удастся уговорить её на стриптиз. Вокруг моего шеста.

Вообще-то я не из тех, кто распускает руки, предварительно не узнав имени, но сейчас все обстоятельства говорят за. Темно, тесно, девчонка дерзко сексуальная, и у меня стоит. И пусть я до сих пор не увидел её лица, но знаю, что и анфас меня не разочарует. Ну не может в такой прелестной обёртке прятаться страшилище. У меня на это чуйка.

Подхожу ближе и совершаю первый ненавязчивый заход: провожу пальцами по загорелому предплечью. Не переставая двигаться, девчонка слегка поворачивает голову в мою сторону, демонстрируя аккуратный профиль, и задорно скалится. Утиного клюва нет. Это радует. А то, что не отшатнулась, радует вдвойне.

Я вдыхаю ванильно-жасминовый запах её волос и, спустившись пальцами до запястья, перемещаю ладонь на обнажённую полоску её живота. Кожа тёплая и гладкая, и даже пресс что надо. Двойной джек-пот.

В ответ девчонка откидывает голову мне на плечо и выпячивает зад, упираясь прямиком в цельнометаллическую башку Макса-Джуниора. Ну здесь я, конечно, поддаюсь секундной слабости и сильнее прижимаю её к себе, чтобы дать этим двоим в волю наобниматься.

– Вообще-то, я хотел сначала представиться, – наклоняюсь к её уху. – Но сегодня готов изменить традиции.

И вот с этого момента всё идёт не по плану. Потому что вместо томного мурлыканья в ответ жасминовый хвост хлещет меня по лицу, и через секунду я ловлю разъярённый блю кюрасао взгляд.

– Ты совсем охренел, хорёк рукастый! Да я твои мелкие яйца...

Злобное верещание обрывается, и я ошалело таращусь на шипящую фурию, а она, раскрыв рот, глазеет на меня. Колечко в носу, голубые льдины глаз и задорные веснушки.

Здравствуй, блядь, тётя Ни-ка.

5

Ника

Ох ты ж чёрт. Вот это ты, Ники, попала. Двойная эпическая лажа. Потереться о стояк смазливой бабуина, который оказался моим временным шефом, и тут же роль блеющей скромницы провалить. Так и знала, что после второй текилы мой гадский темперамент даст о себе знать.

Так, стоп, соберись. Ещё не всё потеряно. Глаза в пол, робкая улыбка и голос понежнее. С румянцем смущения на лице и так порядок. Ну а кто бы на моём месте не покраснел? Этот орангутанг двухметровый меня через джинсы едва не поймел. Что у него там запрянуто, кстати, вообще? Свёрнутый шланг пожарный?

— Здравствуй, Максим. — Трепетно поморгав, я поднимаю глаза и встречаюсь с пристальным зелёным взглядом. Для чего парню такие густые ресницы? Это же преступление против женщин. — Не понимаю, что на меня нашло. Все эти слова — это совсем не то...

— Не то, что ты хотела сказать? — с ухмылкой перебивает парень и начинает широко улыбаться. У него ещё и ямочки. Ямочки на щеках, чтоб его. — Нет, именно это ты и хотела сказать, Бэмби. У тебя грязный, очень грязный... — он явно нарочно фокусируется на моих губах, — рот.

Лицо начинает полыхать, как от порции съеденного том-яма, потому что в его голосе и взгляде столько недвусмысленности, будто бы в своём воображении он только что надо мной надругался.

– Мне бы не хотелось, чтобы у тебя создалось превратное впечатление обо мне, Максим. Мне совсем не свойственны...

Я запинаюсь, так как в этот момент он придвигается ближе, и мне невольно приходится задрать голову вверх. Этот русско-американский орангутанг чертовски высокий. Его дыхание доносит запах грейпфрутовой терпкости, и в этот момент я некстати думаю, что хочу грейпфрут. Только плёнки нужно не забыть снять, чтобы не горчили.

– Я видел тебя в баре, Бэмби. Пьёшь как заправская ковбойша, а танцуешь... – говорит он и снова делает паузу, окидывая меня взглядом, от которого кожа моментально начинает зудеть как от ожогов крапивы, – словно не вылезает из клубов. Добавим сюда грязный язык и то, как ты выразительно тёрлась об меня задом, и получим совсем не тот образ, с которым ты пришла на стажировку в мою фирму.

Окей, братишка. Уел. Но попытаться всё же стоило.

– А немного ли ты о себе возомнил, Максим Гасович? – Я мысленно торжествую, глядя, как вытягивается лицо красавчика. Да уж, сочетание похлеще огурцов с малиновым вареньем. – Следишь за мной в баре, потом лапаешь меня на танцполе, и трёшься своим... что там у тебя, кстати? Пронёс

бутылку вискаря в штанах, скряга запасливый?

Несколько секунд мой, теперь уже не сомневаюсь, бывший шеф ошарашенно глазеет на меня, хлопая выдающимися ресницами, после чего его челюсть расплывается в сияющем оскале.

– Предложил бы распить тебе этот вискарь, Бэмби, вот только с сотрудниками не пью. Хотя твой грязный рот с удовольствием бы им продезинфицировал.

Уф-ф. То есть он меня пока не уволил, и мне не придётся лекцию о своей нерадивости от мамы выслушивать? Так, стоп. Чего-о-о?

– Ты это о чём, Максим Гасович? – Я делаю шаг вперёд и нарочно наступаю на его кроссовку. – Чего ты там дезинфицировать собрался?

Его глаза, прищурившись, оглядывают моё лицо, а от аромата грейпфрута во рту собирается слюна. Надо будет в «Азбуку Вкуса» по пути домой заскочить обязательно.

Ко мне вдруг приходит осознание, что мы стоим слишком близко, поэтому я выдёргиваю каблук из его ноги и начинаю пятиться назад. Едва делаю шаг, огромная ручища ловит меня за талию, а лицо обдувают хриплые грейпфрутовые вибрации:

– У тебя линзы?

Меня парализует от этого беспардонного жеста, а рот сам раскрывается, чтобы сказать:

– Какие, на фиг, линзы. Всё натуральное.

После этого зелёные глаза захватчика, как по команде, соскальзывают к моей груди. Ох ты ж, кобелюга.

– Руки убери, Максим Гасович, – рычу ему в лицо. – А то отпинаю тебя по чекушке.

– Ты так старательно ублажала мою ширинку и теперь точно имеешь представление о том, что Макс-Джуниор размером с полноценный литр, – усмехается ублюдок, но руку всё же опускает. – Домой ехать не пора? Тебе на работу вставать рано, а шеф у тебя, говорят, злюка и терпеть не может, когда опаздывают.

– Спасибо за заботу, Максим Гасович, – я сахарно улыбаюсь ему во все тридцать два зуба. – Но насчёт моего шефа вы, кажется, ошиблись. Он таким мне... м-м-м... мягкотелым няшей показался.

Ох, Ники. Вечно твой длинный язык вперёд мозгов прёт. У красавчика даже челюсть скрипнула как дверь несмазанная. Прощай, стажировка, здравствуй родительский вынос мозга. Давно подозреваю у себя лёгкую форму копролалии (непреодолимое импульсивное влечение к циничной и нецензурной брани безо всякого повода – прим. автора), но рядом с этим парнем она чрезмерно усугубляется.

– Мягкотелым няшей? – вкрадчиво переспрашивает Максим Гасович и, склонив голову на бок, делает ко мне шаг.

Вообще, на няшу он не похож даже отдалённо. Тёмные бровь нахмурены, челюсть ходит ходуном, а на бицепсах вены вздулись. Ничего так, кстати, бицепсы. Тьфу, Ника, не

о том ты думаешь. Похоже, этот русско-американский кекс свой альфа-статус собираются отстаивать. И что я смогу сделать, если он меня к себе на плечо закинет и в свою волчью нору утащит, кроме как съездить по его разбухшей Кока-коле?

– Пупсик, вот ты где!

Воздух облегчения покидает мои лёгкие со звуком сплывшегося воздушного шарика. Глеб. Где он вообще всё это время лазил?

– Ты кто? – Это уже мой красавчик-шеф с угрозой глазеет на улыбающегося Глебасю.

Вот странно, мне всегда казалось, что Глеб высокий и плечистый, но сейчас, стоя рядом с Максом Гасовичем, он словно стремительно теряет свои атлетические объёмы. Как Человек-Муравей рядом с Капитаном Америкой.

– Я Глеб, – продолжая улыбаться, говорит Глеб и протягивает руку.

Он у меня немного простодушный, но это даже ему в плюс. Сейчас простых хороших парней днём с огнём не сыскать. А я нашла. В книжном на Тверской, кстати.

– Это мой парень Глеб. – Я подхожу к Глебасе и, обхватив его лицо руками, смачно клюю в губы.

Вообще-то я не любительница всех этих публичных ми-ми-ми, но надо ж рычащему пёсику его место указать. Ширинку я его ублажала, видите ли. За кого этот заграничный крендель меня принимает?

Несколько секунд Максим Гасович пытается меня глазами, словно старается уличить в очередной симуляции, после чего пожимает протянутую руку Глеба и бросает:

– Рабочий день начинается в восемь, Ни-ка, не опаздывай.

И пока я подбираю очередную ответную остроту, он разворачивается и скрывается в дрыгающейся толпе.

– Я тебя потерял, пупсик, – воркует Глеб, поглаживая меня по плечу.

Он говорит что-то ещё, но я его не слышу, потому что мозг зацепился за ноту, которая перебивает каждую следующую мысль в моей голове. Как-то смешно русско-американский метис произнёс моё имя. Как будто по слогам. Ни-ка.

6

Ника

– Как прошёл первый день стажировки, Никуш? – ласково спрашивает мамин голос в телефонной трубке, которую я придерживаю одной рукой, пока второй пытаюсь застегнуть молнию на юбке.

Я снова опаздываю. Это прямо-таки проклятие, честное слово. Даже если я заведу будильник на пять утра, всё равно из дома выйду ровно во столько, чтобы к месту предполагаемой встречи мне приходилось бежать с риском подвернуть ногу. П – проскрастинация. Моё второе имя.

– Э-э-эм... отлично, мам. Как раз собираюсь выходить.

– Как прошло знакомство с Максимом? Игорь им очень гордится, Никуш. Говорит, что мальчик весь в него пошёл.

Вот точно. У маминого мужа Игоря нрав как у необъезженного испанского быка. В его присутствии в няшу-скромняшу и играть не приходится – само выходит как-то. Я даже за маму первое время переживала: вдруг превратит строптивый доминатор Игорь Жданов талантливого инженера Любовь Ивлееву в забитую домашнюю наседку. Но мама ничего так вроде, держится. На работу по-прежнему ходит, счастьем светится и даже пироги стала стряпать. С мясом. Нашла правильного дядечку, стало быть.

– Ну, раз Игорь гордится, значит, есть чем, – отвечаю я уклончиво. – Да нормальный он вроде мам. Мы толком пообщаться-то не успели.

Тут я скрещиваю пальцы, потому что врать маме очень не люблю, делаю это крайне редко, а когда делаю, опасаясь, что на меня падёт небесная кара в виде непроходящего прыща или приставучего поклонника. Но не могу же я рассказать, что дочь ненароком потёрлась в клубе о выдающиеся причиндалы гордости её нового мужа, которого по алкогольной случайности спутала со своим парнем, а потом ещё в грубой форме пригрозила эти самые причиндалы отпинать.

– Ты уж не обижай его, Никуш, – мягко увещевает мама. – Мальчик хороший, а стажировка всего пару месяцев будет длиться.

От наивности маминого предположения из меня вырывается произвольное лошадиное фыркание. Хороший мальчик? Этот похотливый орангутанг? Да если бы я вовремя не взбрыкнула, он меня посреди танцпола поймел бы. Так что этот Максим Гасович – кто угодно, только не хороший мальчик. Вот Глебася – хороший мальчик. Интеллигентный, спокойный, надёжный, относится ко мне с уважением и никогда бы не позволил себе так фривольно распускать руки.

– Мамуль, созвонимся позже, ладно? – решаю оборвать разговор до того, как придётся оптом закупать «Clearasil». – Стажировка не ждёт.

– Конечно беги, Никуш, – спохватывается мама. – И да,

после работы планов никаких не строй. В семь часов ждём тебя на ужин по случаю приезда Максима. Игорь говорил, что он за рулём, вот после работы вместе и доедете. Ты же знаешь, не доверяю я всем этим Уберам.

О-ох. Ужин у дяди Игоря. Вот это новости с утра.

Упаковав свой выпуклый трамплинчик в юбку-карандаш и надев рубашку с кружевным жабо, пышности которого позавидовала бы даже императрица Екатерина, я вешаю на плечо сумку и выскакиваю за дверь. Опаздываю, как чартер из Турции. Плохо, Ника, плохо.

Две станции по зелёной ветке, триста ступенек бегом вверх по эскалатору, и через пять минут беготни по Садовому я и мои влажные подмышки влетаем в фешенебельный компьютерный офис.

– Ты опоздала, – кривит нос моложавая версия Анны Семенович за стойкой ресепшена. – На целых пять минут. У нас с дисциплиной здесь всё строго, мы серьёзная фирма, а не шарашкина контора, – она меряет меня таким презрительным взглядом, словно я учредитель, генеральной директор, бухгалтер и уборщица в этой самой «шарашкиной конторе». – Я вынуждена сообщить об этом Максусу.

Вот недаром она меня ещё в первый день взбесила, когда три раза пыталась выставить из офиса, называя представителем Орифлейма. Я ей тогда, конечно, ответить как следует не смогла, потому что в образе Белоснежки мучилась, а сейчас-то чего мне скрывать.

– Ты, разумеется, можешь ему позвонить, – я снисходительно пожимаю плечами. – А я за это на сегодняшнем семейном ужине упомяну, что ты хамишь посетителям. Оу, не знала, что мы с твоим шефом родственники? – с наслаждением наблюдаю, как глаза секретарши превращаются в чайные блюдца. Всё-таки лавры чиновничьих детей мне всегда покоя не давали. – Зато теперь знаешь.

Подло – использовать семейные связи, согласна. Но женская война – она самая беспринципная и жестокая. Либо ты, либо тебя. Пощады не будет.

– Кровь не вода, – я подмигиваю её приоткрывшему пухлому рту и уже разворачиваюсь, чтобы победно прошествовать на своё рабочее место, как слышу хриловатый баритон и даже улавливаю в воздухе горечь грейпфрута.

– Зайди ко мне, Ни-ка.

Чёрт.

– Ты опоздала, – констатирует шеф, с прищуром оглядывая меня с высоты своего исполинского роста, – Ни-ка.

Одного у него, конечно, не отнять: говнюк хорош собой. Глаза как два зелёных фонаря, фигура как у Тора (до последних «Мстителей», конечно), и задница как у Капитана Америки. И характер Дэдпула. Ох, нужно что-то делать с этой моей одержимостью комиксами.

– Всего на пять минут. В последний момент решила забежать в Старбакс и купить тебе кофе в знак нашего примирения.

– И где же он?

Временный шеф тщательно оглядывает мой скромный офисный лук, словно действительно полагает, что я могу спрятать стакан миндального латте в складках жабо.

– Его выбил из рук один прохожий.

Тёмная бровь ползёт вверх, а русско-американский лоб насмешливо кривится в немом вопросе «Серьёзно?».

Технически это возможно, поэтому я и не думаю краснеть от такой топорной лжи. Стойко встречаю его взгляд и киваю:

– Ага.

Лицо красавчика-шефа резко становится серьёзным, и он, привалившись задом к своему рабочему столу, смотрит на меня уже без тени улыбки.

– Ни-ка, давай сразу кое-что проясним. – Вот вроде и голос не повышает, а как-то не по себе становится. – Эта фирма – дело моего отца, которого я люблю, уважаю и стараюсь делать всё, чтобы он мог мной гордиться. О твоей стажировке меня попросил дед, но даже этот факт не помешает мне пнуть тебя под твой милый зад, если ты не начнёшь относиться к работе с должной серьёзностью. Кофе мне варит секретарша, а враньё и опоздания я не люблю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.